

Молодежь в сети: сила и слабость социального капитала

Переход к экономике знаний требует от российской молодежи владения компетенциями, позволяющими создавать вокруг себя разветвленную социальную сеть обмена знаниями, накапливать личный и командный социальный капитал. Участниками такой сети становятся представители самых разных социальных групп. Разносторонние личные контакты, связывающие между собой различные социальные группы (этнические, возрастные, экономические и т.д.), препятствуют формированию ксенофобии и предрассудков, являясь, таким образом, одним из факторов оздоровления российского общества.

Понятие социального капитала все более активно используется социологами при оценке состояния российского общества, однако психологические механизмы формирования социального капитала еще только начинают осмысляться (П.Н. Шихирев, Н.М. Лебедева, А.Н. Татарко, Т.А. Нестик и др.). Существующие исследования позволяют констатировать крайне низкий уровень развития социального капитала в

России (низкое доверие, ксенофобия, ограниченность социальных сетей групповыми границами, узким кругом «своих» людей).

Формирование индивидуального и группового социального капитала является особенно важной задачей для российской молодежи. Во-первых, именно от молодежи зависит оздоровление российского общества, то, каким будет его социальный капитал через 10–15 лет. Во-вторых, умение устанавливать контакты, основанные на взаимном доверии, является ключевым условием для дальнейшей карьеры, личного и профессионального развития, здорового образа жизни. В-третьих, вхождение России в экономику знаний требует от будущих профессионалов и лидеров умения устанавливать долгосрочные разветвленные связи, основанные на обмене знаниями и опытом. Общественные и государственные проекты приобретают все более сетевой характер, включая в себя людей из разных поколений, социальных страт, организаций, регионов страны и мира. Привлечение молодежными

лидерами сторонников, влияние на своих последователей все чаще осуществляются заочно, через онлайн-сообщества (примерами могут служить такие проекты, как Живой журнал, сообщество E-xecutive, Мой круг, В контакте и др.). Мировой и российский опыт показывает, что интеллектуальные элиты формируются в социальных сетях, то есть через развитие социального капитала, завязывание личных знакомств и последующий обмен идеями и знаниями между представителями разных идеологических, этнических и научных сообществ.

Между тем при высокой востребованности компетенций в области управления личным и групповым социальным капиталом, в России до сих пор существует дефицит образовательных программ, направленных на их развитие. То же можно сказать и о программах психологического сопровождения, позволяющих отдельным людям, сообществам и организациям повышать эффективность управления своим социальным капиталом. Разработка таких образовательных программ и методических рекомендаций для российской молодежи возможна лишь с опорой на теоретическую модель данного феномена. В данной статье, опираясь на результаты своих исследований, а также отталкиваясь от теоретических положений других авторов, мы предлагаем свое видение структуры социального капитала в молодежной среде, а также знакомим читателя с некоторыми результатами эмпирического исследования ряда компонентов и факторов социального капитала российской студенческой молодежи, проведенного нами в 2007 – 2009 гг.

ПОНЯТИЕ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА И ЕГО СТРУКТУРА

Понятие «социального капитала», впервые введенное в научный лексикон в 1916 г. Л. Хэнифен (Hanifan, 1916), было подвергнуто теоретическому анализу в 1970-1980-е гг. (Г. Лури, М. Грановеттер, П. Бурдье, Дж. Коулмен), а наибольшую популярность получило в связи с критикой атомизированного американского общества Р. Патнемом в середине 1990-х гг. (Putnam R.D., 1993, 1995, 2000). В его основе лежит традиционная для социологии идея об экономических преимуществах социальной интеграции (ср. учение о совокупном общественном капитале К. Маркса, теорию солидарности у Э. Дюркгейма и др.).

Востребованность данного понятия связана сразу с несколькими тенденциями в социальных науках. С одной стороны, оно явилось еще одной формой т.н. «экономической интервенции», т.е. широкого и не всегда оправданного распространения терминологии и концепций экономической теории на другие науки. Другими примерами в данном случае могут служить понятия «культурного капитала», «языкового капитала», «капитала доверия», «религиозного капитала», «юридического капитала» (Нестик, 2004). С другой стороны, оно как нельзя лучше отвечает необходимости междисциплинарного анализа психологических и социокультурных факторов эффективности экономики и политических институтов. Есть и более глубокая причина: в социальных науках наметился переход от конфликтной парадигмы, т.е. анализа межгрупповых различий и социальных противоречий, к анализу социальной интеграции. Понятие социального капитала является так называемым зонтичным, оно объединяет в себе целый круг различных, хотя и близких друг к другу, феноменов и механизмов, связанных с социальной интеграцией (Нестик, 2009). Расплывчатость объема и наличие множества определений порождают значительные трудности с измерением социального капитала, однако именно эти характеристики делают его частью «универсального языка» современных междисциплинарных исследований, одинаково понятного экономистам, социологам, антропологам и социальным психологам. Его употребление позволяет исследователям и политикам при обсуждении социальной интеграции оставаться над парадигмальными и методологически-

ми барьерами, разделяющими социальные науки.

Понимаемый как структура и качество неформальных связей, социальный капитал отвечает большинству характеристик экономического капитала: ограниченности, способности к накоплению, ликвидности, конвертируемости, способности к самовозрастанию и даже передаваемости.

Первоначально понятие применялось исключительно к индивидам, под ним подразумевались «совокупность актуальных и потенциальных ресурсов, связанных с использованием устойчивой сети более или менее институционализированных отношений знакомства и взаимного признания» (Bourdieu, 1980); «ценность аспектов социальной структуры для акторов как ресурсы, которые они могут использовать для достижения своих целей» (Coleman, 1988); «друзья, коллеги и контакты более широкого круга, посредством которых вы получаете возможности для использования своего финансового и человеческого капитала» (Burt, 1992). Позднее социальный капитал стал интерпретироваться как характеристика группы и общества в целом: «характеристики социальной жизни – сети, нормы и доверие, которые побуждают участников к более эффективному совместному действию по достижению общих целей» (Putnam, 1995); «силы, которые увеличивают потенциал экономического развития общества путем создания и поддержания социальных связей и моделей социальных организаций» (Turner, 2000); «культура доверия и терпимости, в которой появляются обширные сети добровольных ассоциаций» (Inglehart, 1990); «обобщенный вклад социальной организации общества в эффективность общественного производства через сокращение транзакционных издержек» (Дискин, 1997).

Популярности понятия «социальный капитал» способствовала дискуссия, разгоревшаяся в американской научной прессе после того, как была обнаружена тенденция к сокращению «социального капитала» в Америке за последнюю четверть века. Для подсчета национального объема «социального капитала» применяются два показателя: индекс доверия и членство в общественных объединениях. Согласно исследованию Роберта Патнема, число членов разного рода добровольных ассоциаций (от родительских комитетов до клубов женщин-избирательниц и кружков игры в боулинг)

об авторах

*Г. У. Солдато-
ва, профессор
факультета
психологии
МГУ им.
М.В. Ломоно-
сова, доктор
психологичес-
ких наук, глав-
ный научный
сотрудник
Федерального
института
развития обра-
зования.*

*Т.А.Нестик,
ст. преподава-
тель кафедры
психологии
личности
факультета
психологии
МГУ им. М. В.
Ломоносова,
с.н.с. Федераль-
ного институ-
та развития
образования.*

за минувшие два-три десятилетия сократилось на 25–50%. Время, затрачиваемое на неформальное общение вне работы, с 1965 г. уменьшилось на четверть, а на деятельность в общественных организациях – чуть ли не наполовину. Наконец, индекс доверия (процент положительных ответов на вопрос: «Можно ли доверять людям?») с 1972 г. снизился примерно на треть (Putnam, 2000). Аналогичные данные были получены и при исследовании социального капитала российского общества (Политическое сознание россиян, 2001).

К основным функциям социального капитала относят:

- предоставление поддержки и облегчение обмена ресурсами через сеть личных контактов;
- обеспечение доступа к информации, расширение возможностей для профессионального развития;
- поддержание социального контроля;
- поддержание социальной солидарности.

Можно выделить два основных подхода к анализу социального капитала: 1) структурный, подразумевающий анализ конфигурации социальных сетей, и 2) содержательный, обращенный к содержанию и качеству отношений, прежде всего – к уровню доверия.

В структуре социального капитала выделяют:

- обязательства и ожидания;
- информационные каналы;
- социальные нормы (Coleman, 1988).

Дж. Нахапет и С. Госхал выделяют в социальном капитале:

- структурные аспекты: сила связей и конфигурация сети;
- когнитивные: общие символы, представления, язык, совместная история;
- отношенческие: доверие, нормы, обязательства и групповая идентичность (Nahapiet, Ghoshal, 1998).

В. В. Радаев вслед за П. Бурдые выделяет в структуре социального капитала:

- капитал, инкорпорированный в диспозициях и способностях конкретного обладателя: соблюдение обязательств без санкций, доверие;
- капитал, объективированный в физической, передаваемой форме: социальные связи, списки контактов;
- капитал институционализированный: принадлежность к социальному кругу, членство в группе (Радаев, 2003).

Н.М. Лебедева и А.Н. Татарко включают в структуру социального капитала доверие,

гражданскую идентичность и социальные сети (Татарко, Лебедева 2009). Иногда к структуре социального капитала относят его источники: семью, добровольные соседские, приятельские и профессиональные сообщества, компании, неправительственные организации, государственные структуры, этнические и гендерные сообщества (World Development Report, 2000/01).

На индивидуальном уровне социальный капитал помогает найти работу и расширяет возможности для поиска персонала для компаний; ускоряет карьерный рост, в том числе рост компенсационного пакета, облегчает адаптацию к экономическим реформам и спадам. На уровне домохозяйств социальный капитал создает возможности для повышения доходов.

На уровне этнических групп (например, китайских кварталов в Нью-Йорке, Маленькой Гаваны в Майами, корейских кварталов в Лос-Анджелесе), а также различных профессиональных, гендерных и соседских сообществ социальный капитал облегчает получение взаимных кредитов, стартового капитала для создания бизнеса, информации и советов относительно выгодных рыночных возможностей, доступа к определенным рынкам, обеспечивает лояльной и дисциплинированной рабочей силой, облегчает формирование профессиональной и деловой репутации.

На уровне организаций выявлено влияние социального капитала на конкурентоспособность компании, возможности привлечения инвестиций и получения кредитов, на межфункциональное взаимодействие и выведение на рынок новых товаров и услуг, обмен знаниями и управление интеллектуальным капиталом, эффективность кросс-функциональных команд, снижение текучести персонала, его лояльность, эффективность обучения и развития персонала, внутрикорпоративное предпринимательство, эффективность взаимодействия с подрядчиками и партнерами, обмен знаниями между компаниями и межорганизационное научение.

На региональном и общенациональном уровнях социальный капитал создает условия для экономического роста, способствует развитию малого бизнеса и предпринимательства, повышает эффективность рынка. Например, социальный капитал, накопленный регионом, позволяет создавать региональный кадровый резерв, выявлять таланты и объединять их в сообщества, повышать инновационность региона и страны в целом.

Известно, что социальный капитал имеет «обратную сторону», облегчая развитие одних групп и затрудняя его для других. Например, сплоченность, корпоративный дух, связывающий успешных выпускников одного учебного заведения, может открывать широкие карьерные возможности перед выпускниками своей alma mater, но при этом закрывать двери перед выпускниками других вузов. Таким образом, большое значение имеет цель использования социального капитала, характер ценностей и групповых норм, регулирующих взаимодействие в сети, толерантность к представителям других групп. Кроме того, социальный капитал облегчает рекрутирование и мобилизацию молодежи в политических целях, распространение различного рода идеологий, среди которых могут оказаться и экстремистские. Иными словами, социальный капитал, в зависимости от ценностей, которые он в себе несет, может быть как силой, так и слабостью нашего общества.

СИСТЕМА ОБРАЗОВАНИЯ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

В системе образования к содержательным аспектам социального капитала можно отнести социокогнитивные феномены: межличностное и межгрупповое доверие в учебном заведении, социальную идентичность, долгосрочную ориентацию учащихся, их позитивное представление о своем будущем. К структурным, формально-динамическим его аспектам можно отнести социальные сети и сообщества (различные формы совместной учебной, трудовой и спортивной деятельности, школьные и студенческие клубы, неформальные молодежные группы, обмен услугами между администрацией учебного заведения и родителями учащихся и т. д.).

С одной стороны, система образования является частью общей социальной системы и потому социальная интеграция в образовательной среде испытывает влияние тех же факторов, которым подчинены процессы дифференциации и интеграции во всем российском обществе. С другой стороны, образование само является одним из факторов социальной интеграции. Наиболее пристальное внимание этой важной роли образовательной системы уделили американский социолог Т. Парсонс и немецкий философ Ю. Хабермас.

Несомненно, Толкотт Парсонс в XX веке был наиболее влиятельным апологетом ценностей социального согласия и единения. Он также был, пожалуй, наиболее цитируемым автором при обсуждении вклада университетского образования и школьного обучения в интеграцию общества. С его точки зрения, интеграция любой социальной системы предполагает нормативные ориентиры, которые разделяются всеми членами сообщества начиная с детства и заканчивая смертью (Parsons, 1970). Эти ценности и нормы должны разделяться всеми членами общества, что обеспечивается единой системой образования. Т. Парсонс иллюстрирует свою точку зрения анализом американского общества в 1960-е годы. Он характеризует его как относительно стабильное общество, достаточно долгий период времени стойко придерживающееся устоявшихся в обществе представлений и ценностей. Члены данного общества стараются повлиять друг на друга, преследуя свои собственные интересы. В то же время это влияние должно быть подчинено высшим целям, увязано с поддержанием социального порядка. На этом основании мы можем говорить о «контроле» ценностей общества посредством системы образования. В США такие ценности, как демократия, всеобщее благосостояние и справедливость для каждого члена общества, служат именно этой цели – поддержанию общества как целого. Этот набор основных легитимных ценностей играет важнейшую роль в парсоновской теории нормативной согласованности как условия социальной интеграции.

Вклад образования и школьного обучения в интеграцию общества заключается в эволюции и усилении согласованности этих базовых ценностей. Акцент Т. Парсонса на процессах социализации и воспитания является естественным следствием его концепции нормативной интеграции. Когда уменьшается функциональная интеграция, скоординированность взаимодействия социальных элементов, тогда главную роль играет согласование ролевых ожиданий, ценностей и норм.

Система образования играет решающую роль в поддержании основных социальных ценностей на уровне общества в целом. Концепция Т. Парсонса оказала огромное влияние на теоретическую социологию образования. Но поскольку в обществе и, в частности, среди педагогов, нет единого мнения о том, какие именно ценности

должны поддерживаться системой образования, эти нормы и ценности должны открыто обсуждаться.

В то время как идея согласования и легитимации норм Т. Парсонса была сфокусирована на абстрактных и фундаментальных ценностях общества, Юрген Хабермас подчеркивал необходимость обсуждения характера этих ценностей и способов их трансляции. Согласно Ю. Хабермасу, подлинная социальная интеграция в системе образования обеспечивается не «промывкой мозгов», а развитием толерантности, культуры диалога, свободной коммуникации и саморефлексии. Коммуникация, основанная на толерантности и легитимированная системой образования, будет обеспечивать справедливые и легитимные этические решения, служить основным механизмом социальной интеграции (Habermas J., 1981).

Безусловно, роль образования в формировании различных форм капитала неоспорима: образование создает человеческий и культурный капиталы общества. Несомненна и роль образования в решении различных социальных задач, например, в развитии среднего класса. Что же касается социального капитала в контексте образования, то к этой теме исследователи только начинают обращаться.

Знаменательно, что впервые сам термин «социальный капитал» был употреблен в контексте педагогики и наук об образовании. Его использовала Лида Хэнифен при изучении школьных центров сельских общин (Hanifan, 1916). Социальный капитал создается не только на уровне семьи, различных сообществ, национальных или региональных административных единиц, но также и на уровне образовательной системы. Высшее образование и школа являются важнейшими «фабриками» социального капитала, позволяющими воспроизводить и развивать общество и на основе традиций, и на основе инноваций.

Школа и вуз могут способствовать распространению ценностей сотрудничества и толерантности, ориентации на построение долгосрочных отношений. Они способны поддерживать гражданскую позицию учеников и студентов и предоставлять им возможность для включения в полезную для общества совместную деятельность. В более широком плане образовательные учреждения могут расширять возможности для формирования межличностных связей через включение школьников и студентов в различ-

ные сообщества и социальные сети (Твитг, Шектер, 2003). В той мере, в какой методы и организация обучения поощряют взаимное обогащение знаниями и работу в команде, а также открытость к новым идеям и разнообразию культур, происходит развитие социального капитала. Именно в школах и вузах устанавливаются «мосты» между разными социально-экономическими и этническими группами российского общества. Образовательная среда позволяет завязать знакомства и дружеские связи, расширяющие возможности по трудоустройству и взаимной поддержке как для самих учащихся, так и для их родителей. Иными словами, все более значимой функцией системы образования становится функция социальной защиты.

«Производственные мощности» образовательной системы как «фабрики» социального капитала в обществе зависят, прежде всего, от объема социального капитала, который накоплен в самих образовательных учреждениях. Кроме того, социальный капитал имеет огромное значение для повышения качества образования. Понятно, что становление профессионала происходит не только за счет формального обучения по общеобразовательным или профессиональным программам, но также и в процессе неформального взаимодействия с другими людьми, обмена знаниями и опытом. Сети социальной поддержки и контакты с представителями разных профессиональных сообществ играют важную роль в формировании культуры обучения на протяжении всей нашей жизни.

В последнее время практически во всех странах выросли расходы на образование, особенно в расчете на одного учащегося, что связано, в частности, с сокращением наполненности классов. Но нужна особая осторожность в определении ключевых факторов эффективности образования. Материальная оснащенность классов и наличие хорошо подготовленных преподавателей – это лишь одна из составляющих успешного обучения. Без доверия, системы взаимной поддержки и построения сети обмена знаниями и опытом обучение становится малоэффективным. Известно, что на результаты обучения влияет заинтересованность родителей в учебе детей, их внимание к качеству преподавания и набору изучаемых предметов (Wossman, 2000). Дж. Коулман считает, что образование может поддерживаться социальным капиталом, например, в форме объединения родителей детей, обучающихся в

одной школе (Коулман, 2001). Такая поддержка может включать в себя внешкольные мероприятия и прямое вмешательство родителей в работу школы и т. п.

Таким образом, сети личных знакомств и доверие в среде студентов, родителей и учителей создают социальный капитал, который затем становится основой успешной социальной интеграции молодых людей.

Обучению способствует не только социальная поддержка и доверие, но и высокий уровень социальной вовлеченности. Например, социальный капитал, накопленный студентами через участие в работе студсоветов и профессиональных ассоциаций, расширяет их возможности при поиске работы и положительно влияет на оценку студентом собственных перспектив трудоустройства после окончания вуза.

Для поддержания и развития социального капитала необходимо общее символическое пространство – общие культурные ценности, мифология, история, общее образовательное пространство. Ценности и нормы, которые присутствуют в образовательной среде, определяют направление развития учащихся. Роль культурной среды, в которой происходит обучение и профессиональная подготовка, подчеркивалась многими исследователями. Очевидно, что образование не просто транслирует знания, но и является универсальным способом передачи культурных норм. При этом, учитывая мультикультурализм современного общества, социальная интеграция невозможна без развития толерантности и доверия, межкультурной компетентности.

В настоящее время в мире, и в России в частности, происходит активное реформирование системы образования. Конец XX – начало XXI века в Европе прошли под знаком европейской интеграции, а также интеграции европейского образования в рамках Болонского процесса. Его суть состоит в координации учебных программ, создании единой системы оценки качества, развитии уже не национальных, а глобальных социального и человеческого капиталов. Этот процесс сопровождается сближением ценностей и норм, культивируемых образовательными системами различных стран, а также ростом взаимного доверия, обмена знаниями и опытом. Посредством социального капитала, накопленного в системе образования, создаются прочные связи выпускников, которые нередко совместно идут по жизни.

Крайне важным фактором развития социального капитала является формирование общности ценностей и доверия в образовательных учреждениях. Примером тому является известный феномен «университетской солидарности»: опыт межличностного доверия, полученный студентами внутри своего университета, не только оказывает прямое воздействие на их отношения с преподавателями, но и восстанавливает доверие к социальным институтам, консолидирует общество, формирует людей, обладающих высоким уровнем социальной ответственности.

Другой аспект функционирования социального капитала в системе образования – это построение социальных сетей как инструмента обмена знаниями и обучения на протяжении всей жизни. Современная наука немыслима без контактов между различными научными сообществами, в том числе через интернет-сообщества, блоги и виртуальные социальные сети. Именно в онлайн-овых и офлайн-овых социальных сетях возникают новаторские идеи, формируются и хранятся знания, реализуется совместное обучение.

Таким образом, с одной стороны, социальный капитал является мощным ресурсом для образовательной среды. С другой стороны, институты образовательной системы сами являются источником социального капитала для российского общества.

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ СХЕМА ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

Принимая во внимание всё рассмотренное нами по поводу понятия социального капитала и его структуры, мы считаем, что именно это понятие позволяет связать психологические, нравственные, духовные и экономические аспекты жизни индивида, группы и общества. Исследования формирования социального капитала в межличностных отношениях позволяют проследить, как отношения объективные превращаются в отношения субъективные, психологические, как они трансформируются в образы (например, репутацию), конвертируются в отчуждаемые ресурсы (например, деньги).

Социальный капитал группы можно определить как уровень ее социально-психологической интеграции. На наш взгляд, основным механизмом его формирования является психологический (ценностный)

обмен, в ходе которого объективные межличностные и межгрупповые отношения получают индивидуальную и групповую оценку. Таким образом, социальный капитал представляет собой единство объективных отношений и субъективного отношения к этим отношениям. Чтобы пояснить, что мы понимаем здесь под отношениями, позволим себе цитату: «Социальное отношение (как связь) может рассматриваться и как процесс, и как вещь. В первом случае оно предстает в своем динамическом аспекте, во втором – в статическом, как некая фиксация состояния, его объективация. В реальной жизни они неразрывно связаны. Так, мое отношение к другому человеку есть интегральное выражение состояния наших с ним связей, фактически оценка накопленного нами социального капитала, измерение его количества и качества. Она, в свою очередь, в процессе социального обмена может приобретать различные формы (суждения, образа, символа), которые тоже обычно синтезируются в едином поведенческом акте. Собственно, и фиксируются, объективируются социальные связи, «упаковываются» в те или иные формы главным образом для того, чтобы их можно было «транспортировать» в процессе постоянного социального обмена» (Шихирев, 2003, С.26).

Таким образом, социальный капитал российской молодежи мы предлагаем рассматривать как совокупность психологических отношений, облегчающих членам молодежного сообщества доступ к ресурсам друг друга, делающих возможным сотрудничество при решении личных и общественно значимых задач (социальных, экологических, в области охраны здоровья и др.).

Основной социально-психологической функцией социального капитала в молодежной среде является социальная интеграция. Частными его функциями являются первичная и вторичная социализация, обеспечение социальной поддержки, создание возможностей для выбора идентичности в молодежных сообществах (поддержка множественной идентичности), социальная фасилитация (в т.ч. проявляющаяся в эффекте присутствия незримых других), преодоление межгрупповых границ через сетевые контакты, формирование единого пространства социального обмена, обеспечение конвертируемости капиталов.

Социальный капитал имеет многоуровневую структуру: индивидуальный социальный капитал учащегося и студента (совокупность

его связей внутри и вовне своей группы, класса, курса, факультета и т.д.), социальный капитал неформальной группы (например, молодежного интернет-сообщества), отделения или факультета, всего учебного заведения в целом, а также социальный капитал межгруппового партнерства.

Мы выделяем следующие особенности формирования социального капитала в образовательной среде. Во-первых, основная цель системы образования состоит в подготовке молодых людей к полноценной жизни в обществе. Стержнем процессов интеграции здесь является первичная социализация. Во-вторых, имея дело с молодежью, образовательная система отличается большим разнообразием форм социальной интеграции. Здесь есть возможность социального экспериментирования: будь то новые подходы к организации учебного процесса или новые формы коллективного действия (например, флеш-моб). В-третьих, социальная интеграция в образовательной среде носит опережающий характер. Устанавливаемые здесь социальные связи рассматриваются учащимися как основа для будущего карьерного, профессионального и личностного развития. В отличие от других возрастных групп основанием для идентичности здесь является, прежде всего, будущее, общие возможности и перспективы, а не совместное прошлое. Социальная идентичность школьников, учащихся ПТУ и техникумов, студентов находится в процессе становления. Идет конструирование альтернативных возможных идентичностей и биографических траекторий. Поэтому таким важным представляется нам введение в число показателей социальной интеграции характеристик отношения к времени (образ будущего, долгосрочная ориентация). Наконец, социальная интеграция в подростковом и юношеском возрасте часто принимает формы «контркультуры». Для формирования «мы» в школе, ПТУ или вузе непременно должны быть «они». Отсюда тесная связь процессов внутригрупповой интеграции с процессами межгрупповой напряженности при формировании социального капитала молодежи.

С социально-психологической точки зрения, компоненты социального капитала организации можно объединить в две основные группы: содержательные и формально-динамические (структурные). На наш взгляд, содержательные компоненты представляют собой совокупность психологических образов, регулирующих социаль-

ный обмен. Структурные компоненты характеризуют объективное межличностное и межгрупповое взаимодействие с точки зрения его формально-динамических аспектов.

Структурными характеристиками социального капитала молодежи являются социальная вовлеченность школьников и студентов, средняя величина их индивидуальной социальной сети, а также степень ее разветвленности. Содержательными характеристиками социального капитала молодежи являются уровень межличностного доверия и доверия социальным институтам, социальная идентичность (прежде всего, гражданская идентичность) школьников и студентов, а также просоциальные установки – толерантность и выраженность ориентации на ценности взаимной поддержки.

Доверие включает в себя межличностное и социальное доверие, внутригрупповое, межгрупповое и институциональное. Доверие играет важнейшую функцию в формировании социального капитала: оно снижает субъективную оценку риска вступления в отношения и их продолжение, снижает транзакционные издержки социального обмена, позволяет генерализовывать положительный опыт межличностных отношений до уровня отношений внутригрупповых и межгрупповых.

Функция социальной идентичности применительно к формированию социального капитала состоит в том, что она делает индивидуальный социальный капитал членов группы, а в случае с гражданской идентичностью – россиян, общегрупповым, общественным ресурсом; она прикрепляет индивидуальные и групповые «кошельки» социального капитала российской молодежи к сообществу.

Просоциальные установки (толерантность, ориентация на оказание друг другу помощи знаниями, связями, эмоциональной поддержкой и т.п.) позволяют учащимся и студентам осуществлять социальный обмен и формировать доверие даже в тех случаях, когда они незнакомы, то есть там, где в социальной сети существуют так называемые «структурные пустоты»; просоциальное поведение позволяет молодежи формировать социальный капитал, преодолевая барьеры, накладываемые неоднородностью социальной сети, то есть различиями в уровне межличностного или межгруппового доверия между отдельными группами и стратами.

ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Актуальность и новизна исследования социального капитала российской молодежи определяются двумя обстоятельствами. Во-первых, целенаправленное формирование социального капитала является основой оздоровления общества, социальной интеграции и долгосрочного устойчивого развития. Особенно остро эта задача стоит перед российской молодежью, социальные связи которой являются важнейшим условием дальнейшего профессионального развития и здорового образа жизни. Разносторонние личные контакты между различными социальными группами (этническими, возрастными, экономическими и т. д.) препятствуют формированию ксенофобии и предрассудков. Во-вторых, понятие социального капитала все более активно используется социологами при оценке состояния российского общества, однако психологические механизмы формирования социального капитала еще только начинают осмысляться. До сих пор изучались преимущественно дезинтегративные процессы в молодежной среде (социальная напряженность, протестный потенциал, делинквентное поведение), а не процессы социальной интеграции в студенческой и школьной среде. Между тем, углубление эмпирически обоснованных представлений о социальном капитале российской молодежи необходимо для разработки программ психологического сопровождения, позволяющих отдельным студентам, молодежным сообществам и образовательным учреждениям повышать эффективность управления своим социальным капиталом.

Целью эмпирического исследования являлось определение выраженности отдельных компонентов социального капитала российских студентов, а также выявление особенностей социального капитала у студентов с различными индивидуально-психологическими характеристиками.

Объектом исследования являлась социальная интеграция в молодежной среде, предметом исследования была взаимосвязь компонентов социального капитала личности с индивидуально-психологическими и групповыми характеристиками.

Исследование проводилось в 2006–2009 гг. в нескольких регионах России: Москве и Московской области, Санкт-Петербурге, Ростове-на-Дону, Чите, Томске, Курске,

Орле, Пензе, Ставропольском крае, Краснодарском крае, Владикавказе, Назрани и Грозном. В выборку вошли школьники (38%), учащиеся ПТУ (15%) и студенты ВУЗов (47%). Общая численность испытуемых, опрошенных за 2006–2009 гг., составила 2153 человека. Среди респондентов 35% – мужчины, 65% – женщины; средний возраст по выборке равен 18,6 годам.

В данной статье мы остановимся на анализе трех показателей социального капитала – доверия, социальных сетей и толерантности.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

1. Доверие и социальные сети – ядро социального капитала

Доверие – это феномен, который психологи рассматривают как отправную точку взаимодействия человека с миром. Необходимое условие для возникновения доверия – это, в первую очередь, чувство безопасности и стабильности, надежности окружающего мира. Человеку важно чувствовать, что мир вокруг не представляет угрозы. Уровень доверия личности определяется на основе исследования установок и ожиданий по отношению к миру, другим людям и к самому себе.

Доверие может рассматриваться и как источник, и как результат социального капитала. Наиболее разработанный подход в этой области принадлежит известному футурологу и исследователю в области мировых социальных процессов Ф. Фукуяме. Он рассматривает различные проявления социального капитала через призму концепции, известной как «радиус доверия». Ф. Фукуяма разделяет все группы, воплощающие социальный капитал, в соответствии с некоторым радиусом доверия, т. е. кругом людей, среди которых действуют совместные нормы. Радиусы доверия могут присутствовать, начиная от отношений между друзьями до неправительственных организаций и религиозных групп (Фукуяма, 2004). Чем больше радиус доверия, тем большим социальным капиталом обладает данная общность. Собственно сам социальный капитал Ф. Фукуяма определяет именно через уровень доверия: «социальный капитал – это определенный потенциал общества или его части, возникающий как результат наличия доверия между его членами...» (Фукуяма, 2004, С.52).

Первостепенное значение феномену доверия при оценке социального капитала при-

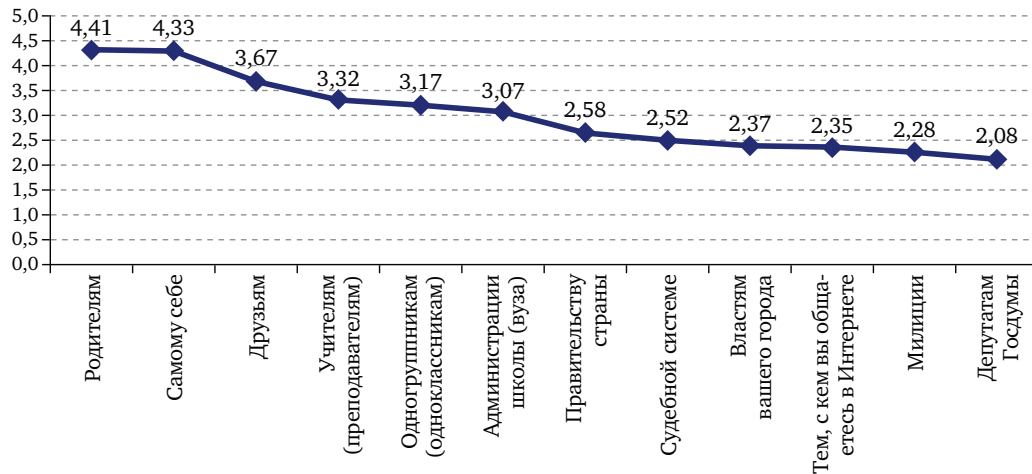
дает и другой американский исследователь Роберт Патнем. В своей популярной книге «Боулинг в одиночку» Патнем убедительно доказывает, что во второй половине XX века многие аспекты социальной жизни сократились до опасного уровня: ослабли связи между членами семьи, друзьями и соседями, сократилось участие людей в добровольных организациях, включая церкви, местные собрания, политические партии и досуговые объединения. Согласно Р. Патнему, все это свидетельствует об упадке социального капитала в американском обществе (Putnam, 2000). Работы Р. Патнема положили начало исследовательскому буму по проблеме доверия в общественных науках, доверие стало интенсивно изучаться в различных сферах социальной жизни: в межличностных отношениях, в экономике, в бизнесе.

Какова динамика доверия среди молодежи в российском обществе? Кому доверяют молодые жители больших городов? Кто входит в их радиус доверия и как эти радиусы изменяются в последние годы? С ростом стабильности и экономического уровня в обществе происходит смена ориентаций по отношению к политическим и социальным процессам в стране. И все же социальные установки меняются достаточно медленно. В том числе и в молодежной среде. Показательно, что с улучшением социальных условий в первую очередь меняются межличностные установки: люди больше доверяют друг другу, в то время как доверие к социальным институтам и государству изменяется медленнее (рис. 1).

Данные исследования показали, что доверие неуклонно падает при расширении социального пространства (семья – знакомые-коллеги-преподаватели – администрация школы-вуза – общественные структуры); на уровне социальных институтов оно становится совсем низким. Самым низким кредитом доверия среди молодежи обладает законодательная власть, а именно депутаты Госдумы.

По мере расширения социального пространства (семья, друзья, знакомые, коллеги, администрация города и т.д.) градус доверия постепенно снижается. Трудно представить себе, что кто-либо будет доверять правительству страны больше, чем своей семье (хотя в истории такое бывало). Тем не менее стоит обратить внимание на достаточно низкий кредит доверия социальным институтам у российской молодежи, что также выражается в том, что большинство молодых

Рис. 1. Радиус доверия в молодежной среде.

россиян не чувствуют себя в безопасности в своей стране. Здесь мы имеем схожую картину, как в случае радиуса доверия: чувство безопасности неуклонно падает при расширении социального пространства: семья – друзья – школа – вуз – двор; на уровне страны оно становится самым низким. На рис. 2 это продемонстрировано в виде концентрических окружностей: чем насыщенней цвет, тем больше безопасности ощущают в данном социальном пространстве молодые люди. При исследовании социального капитала российской молодежи нас интересовала не только констатация уровня доверия, но и его прогностическая ценность в качестве мерителя социальных норм и отношений.

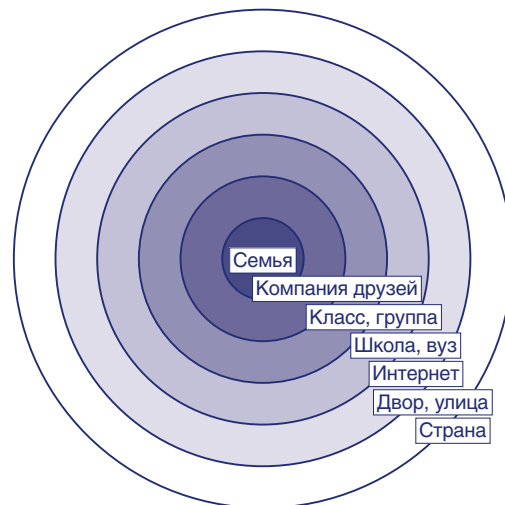
Результаты исследования подтверждают идею о важности доверия для социального потенциала общества. Так, мы получили значимые различия между молодыми людьми, склонными доверять другим, и теми, кто отличается недоверчивостью: склонные к доверию молодые люди оказались значимо более толерантными по отношению к различным социальным и этническим группам (рис. 3).

То же верно и в отношении ксенофобии: чем выше склонность доверять другим людям, тем меньше страх и неприязнь по отношению к представителями чужих социальных групп (рис. 4). При этом неважно, вызывают ли настороженность просто незнакомые люди или опасность связывается с так называемыми стигматизированными группами (инвалиды, больные СПИДом, гомосексуалисты, психически неполноценные и др.).

В зависимости от того, как решается вопрос о доверии, человек регламентирует свои отношения с миром, определяя сте-

пень возможной открытости и возможных взаимодействий в мире. Угрожающий мир требует активировать защитные стратегии, которые становятся ведущими способами взаимодействия и сильно искажают реальность, способствуя психологической изоляции от всевозможных «чужаков».

Рис. 2. Радиусы безопасности.

Толерантность как норма устойчивости к многообразию мира, к этническим, культурным, социальным и мировоззренческим различиям подразумевает отсутствие иррационального чувства угрозы, опасности со стороны различных «других» и «непохожих» и социального окружения в целом.

Ощущение доверия и безопасности оказывает влияние также и на устойчивость к стрессу. У «недоверчивых» респондентов уровень стресса существенно выше, чем у тех, кто склонен доверять людям (рис. 5). Таким образом, способность личности справляться с жизненными задачами, противостоять стрессогенным и фрустрирующим факторам определяется также и тем,

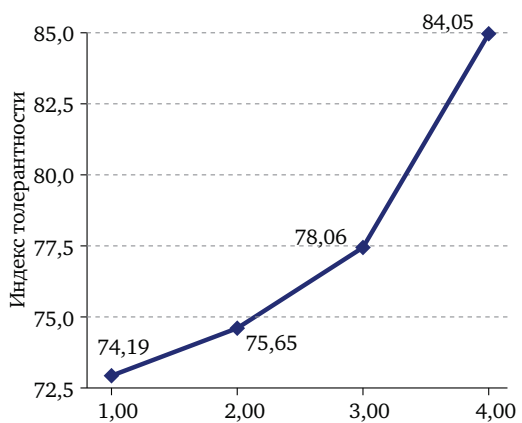

Рис. 3. Зависимость индекса толерантности от уровня межличностного доверия личности (1 – группа с низким уровнем межличностного доверия, 4 – группа с высоким уровнем межличностного доверия).

как человек строит свои отношения с миром и другими людьми – на основе доверия или недоверия. Уровень стресса отражает то, как индивид воспринимает условия своей жизни, а не реальную жизненную ситуацию. Показательно, что степень доверия-недоверия оказалась связана с удовлетворенностью уровнем благосостояния семьи, но не с реальным уровнем обеспеченности (рис. 6).

Описанные закономерности позволяют согласиться со все более распространяющимся в последние десятилетия мнением, что уровень межличностного доверия в той или иной стране во многом предопределяет перспективы экономического прогресса и устойчивость демократических институтов. Ведь когда недоверие людей друг к другу является преобладающей социальной нормой, возможности добровольной кооперации, сотрудничества в достижении

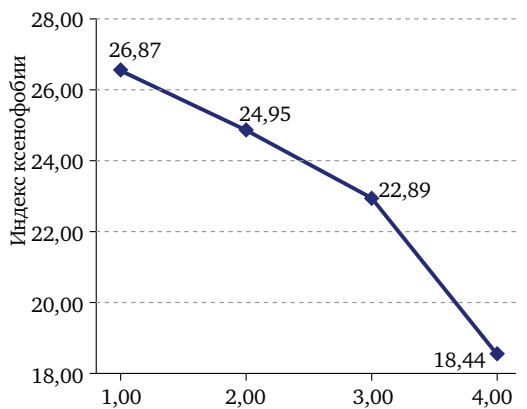

Рис. 4. Зависимость индекса ксенофобии от степени межличностного доверия личности (1 – группа с низким уровнем межличностного доверия, 4 – группа с высоким уровнем межличностного доверия).

любых общих целей оказываются весьма ограниченными. Как мы видим, это вызывает рост интолерантности и ксенофобских настроений, что препятствует росту социального капитала в обществе.

В качестве защитной стратегии «социально недоверчивые» молодые люди стремятся получить более высокий уровень образования по сравнению с «социально доверчивыми». Среди «недоверчивых» в два раза больше тех, кто собирается получить ученую степень. В то же время они в большей степени убеждены в том, что достичь успеха может и необразованный человек. Группа «недоверчивых» молодых людей и особенно тех, кто скептически настроен по

Рис. 5. Выраженность стресса у групп с низким и высоким уровнем межличностного доверия.

отношению к социальным институтам, полагается только на себя. Не чувствуя социальной защищенности, они также в меньшей степени ощущают себя в безопасности в своей стране (рис. 7). У «социально доверчивых» респондентов показатели безопасности в разных социальных контекстах (своей семье – как самом близком окружении и в своей стране – как самом широком) более согласованы и близки друг другу. В то время как «социально недоверчивые» компенсируют свой низкий уровень доверия через доверительные отношения в семье.

Другая закономерность, обнаруженная в нашем исследовании, касается связи доверия с наличием у респондента братьев или сестер. Как оказалось, молодые люди, выросшие в многодетных семьях, обладают более выраженным межличностным и даже социальным доверием, чем единственные дети в семье. Причем, чем больше братьев и сестер у респондента, тем выше

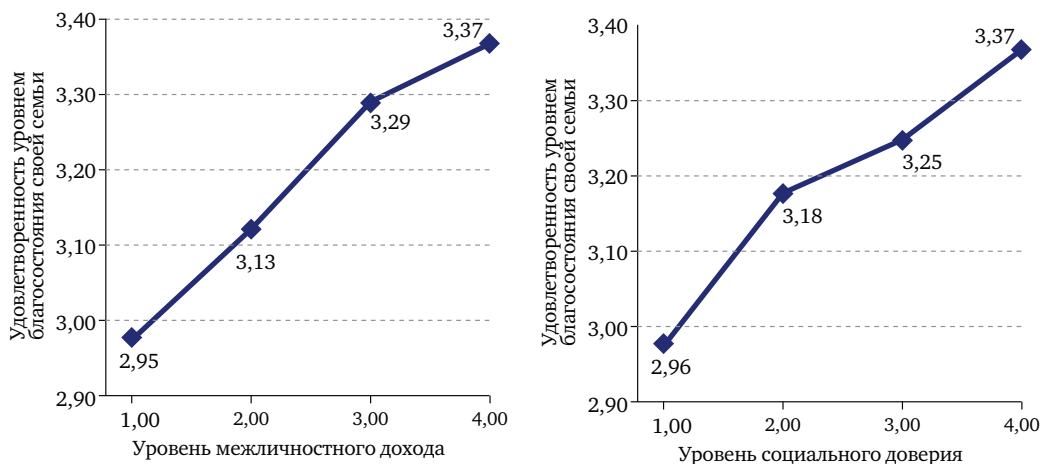

Рис. 6. Зависимость удовлетворенности уровнем благосостояния семьи от уровня межличностного и социального доверия (1 – группа с низким уровнем межличностного доверия, 4 – группа с высоким уровнем межличностного доверия).

его доверие другим людям и обществу (рис. 8). Никакие другие показатели – толерантность, ксенофобия, социальное самочувствие и т.д. не проявили связи с этим фактором. Особенно примечательно, что он сказался на социальном доверии. Семья как микросоциум «отразилась» на отношении к макросоциуму – социальным институтам. Таким образом, можно выдвинуть предположение, что многодетные семьи дают своим членам больший кредит доверия и, соответственно, более широкую базу для накопления социального капитала.

Как показывает наше исследование, надеяться на то, что «норма недоверия» государству уходит в прошлое вместе со стабилизацией экономического и социального положения в стране, пока рано. Недоверие к государству у молодых образованных людей может стать серьезным препятствием для развития позитивного «Мы-образа» россиян: не будет ли молодое поколение все также продолжать искать, кто виноват, и чувствовать стыд за свое государство? Несмотря на то что гражданская идентичность молодежи претерпевает изменения, социальное недоверие остается стабильным атрибутом среднестатистического студента.

Нас интересовало, как влияет образовательная среда на формирование доверия личности, ведь молодое поколение является наиболее социально активной и восприимчивой к социальным изменениям группой. Через образование возможно распространение новых норм и ценностей, новой гражданской идентичности. Проанализируем ценность и нормы доверия в современной российской образовательной среде у школьников, студентов вузов и техникумов.

Как известно, ведущая деятельность подростков (старшеклассников) – интимно-личностное общение. Снижение межличностного доверия в этот период может быть связано с тем, что тема построения отношений со сверстниками (с самим собой и миром в целом) становится крайне острой. Также низкий уровень межличностного доверия школьников может быть объяснен и через необходимость для подростков идентификации с различными культурными ролями и субкультурными группами. Элитарность категории «Мы», характерная для школьников, значительно сужает круг тех, кому можно доверять.

Высокий уровень межличностного доверия демонстрируют студенты. В то время как учащиеся техникумов оказались менее доверчивыми в контактах с другими людьми. Вероятно, образовательная среда среднеспециальных учебных заведений более

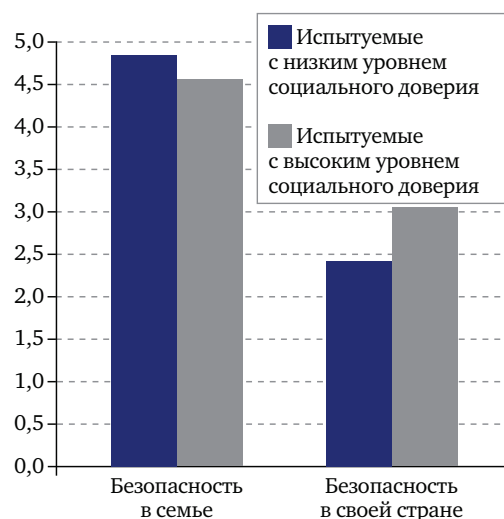

Рис. 7. Чувство безопасности в семье и стране у респондентов с низким и высоким уровнем социального доверия.

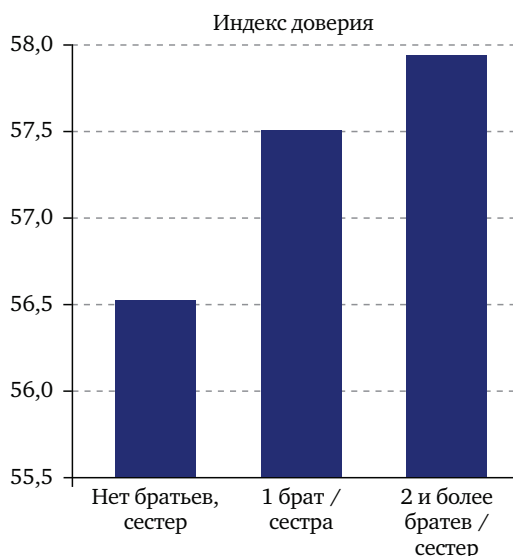

Рис. 8. Различия между единственными детьми в семье и респондентами, имеющими братьев и сестер, по показателю «индекс доверия».

конкурентная и жесткая. Учащиеся техникума скорее полагаются на себя, чем на поддержку других.

В отношении социального доверия мы получили обратную картину: как видно из гистограммы, учащиеся техникумов и ПТУ отличаются самым высоким уровнем социального доверия, а наиболее низкое социальное доверие – у студентов (рис. 9).

По-видимому, социальная сфера жизни в целом не слишком значима на этапе развития, на котором находятся школьники и учащиеся ПТУ, более центрированные на межличностных отношениях. Однако для студентов, как наиболее рефлексивной части молодежи, интерес к социальной сфере постепенно начинает приобретать актуальность, появляется критичность к социальным агентам и институтам.

Также любопытны различия, которые были обнаружены при анализе ответов молодежи на прямой анкетный вопрос: «Насколько вы доверяете перечисленным ниже людям и институтам?». Эти различия коснулись не количественных показателей доверия, а самой структуры радиусов доверия.

У школьников и учащихся техникумов факторная структура доверия распалась на межличностную и социальную сферы: в первую вошли Я сам, родители, друзья, одногруппники или одноклассники; во вторую – власти города, правоохранительные органы, депутаты, судебная система, правительство, а также преподаватели и администрация образовательного учреждения.

У студентов факторная структура «доверительных сетей» усложнилась. В сфере

межличностных контактов обособился самый близкий круг – Я сам, родители, друзья (межличностный фактор), а из социального фактора в нее переместились преподаватели вузов.

Таким образом, для студентов преподаватели включены в круг «своих», тогда как у школьников и учащихся техникумов они имеют пограничный статус. Между тем опыт доверия к старшим, полученный в стенах школы, играет важную роль в формировании доверия к обществу в целом. Иными словами, несмотря на относительно высокий уровень социального доверия у школьников и учащихся профессионально-технических училищ по сравнению с уровнем у студентов, исключенность преподавателей и администрации из ближнего круга социального доверия является одной из слабых сторон нынешнего социального капитала в школьной среде и ПТУ.

Наряду с доверием, другой важнейший компонент социального капитала в системе образования – это построение социальных сетей как инструмента совместного развития и обмена знаниями.

Социальные сети – это личные контакты между людьми, которые знают друг друга и оказывают друг другу помощь независимо от социального статуса, места учебы или работы, национальной принадлежности или профессии.

Предпосылки возникновения понятия «социальная сеть» можно увидеть в концепции Г. Зиммеля о городе как системе пересекающихся сообществ. Понятие сетей восходит также к идеям А. Радклифф-Брауна и манчестерской школы социальной антропологии.

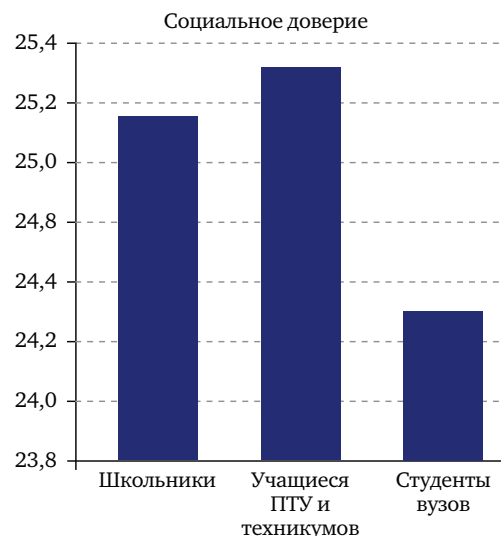

Рис. 9. Различия по показателю «социальное доверие» между школьниками, студентами и учащимися техникумов.

гии об обществе как сети отношений. Следующим этапом было появление метода социометрии, предложенного Я. Морено, который получил дальнейшее развитие в сетевом анализе, основанном на теории графов. С 1978 г. социологические, культурно-антропологические и социально-психологические подходы объединились на страницах общего журнала «Social Networks» и в рамках Международной сети по анализу социальных сетей. Со стороны психологии интерес к социальным сетям отмечается с конца 80-х годов XX века. До этого социальным сетям психологами посвящались лишь единичные экспериментальные работы. Например, С. Милгрэм в своем исследовании 1967 г. подтвердил гипотезу о «тесном мире»: любых двух незнакомых друг с другом человек разделяет цепочка из не более, чем шести знакомств. Об этой же цифре говорят эксперименты Р. Уотса, проведенные в 1990-е гг. с участием 60 тыс. пользователей Интернета. Возникновение блогов и виртуальных социальных сетей многократно повысило скорость завязывания знакомств, сделав гипотезу о «тесном мире» общепризнанным и очевидным фактом.

Как показывают исследования, чем разнообразнее и разветвленнее сеть отношений, которую школьник, студент или профессионал развивает вокруг себя, тем более свободный доступ он имеет к информации, тем быстрее узнает о новых возможностях для своего личностного и профессионального развития, тем больше вероятность его участия в федеральных, региональных и корпоративных программах, тем больше у него возможностей для получения нового опыта. Известно, что профессионалы с более разветвленной сетью контактов быстрее развивают свои знания и навыки.

По размеру социальной сети и уровню вовлеченности в общественную жизнь между студентами, учащимися среднеспециальных учебных заведений и школьниками существуют статистически значимые различия, объяснимые возрастными особенностями этих групп и современными условиями их совместной деятельности (учебной, трудовой и др.).

Школьники отличаются существенно менее многочисленной сетью личных контактов, чем две другие группы. С одной стороны, это объясняется тем, что школьный круг общения относительно замкнут и неизменен. Состав учащихся в классах и коллектив преподавателей практически не меняется

на протяжении обучения, а возможности по завязыванию знакомств в других социальных кругах ограничены семейными связями и относительно более жесткой дисциплиной посещения занятий, чем в среднем профессиональном и высшем образовании. С другой стороны, это может объясняться тем, что в школьном возрасте наиболее велика потребность в близких, эмоционально значимых отношениях. Главный вид деятельности в подростковом возрасте – общение. Общение подростков в школе строится на кодексе товарищества и стремления к абсолютному взаимопониманию.

В этот период учебная деятельность для подростка отступает на задний план. Все самое сокровенное и неотложное обсуждается подростками на переменках. Здесь происходит усвоение моральных норм, осваивается система моральных ценностей. Место, которое ребенок занимает внутри коллектива, становится даже важнее оценки учителя. Подростки более требовательны к дружеским отношениям, чем юношество. Они ориентированы на немногочисленные, но тесные связи, обеспечивающие не столько информационную, сколько эмоциональную поддержку.

Это подтверждается сопоставлением студентов, учащихся ПТУ и школьников по количеству друзей в учебном заведении и по количеству полезных связей. По числу друзей в учебном заведении школьники не отстают от студентов (значимых различий не выявлено), тогда как по общему количеству друзей и знакомых, на помощь которых можно рассчитывать в будущем, между этими группами наблюдается существенный разрыв (рис. 10), однако именно школьники наиболее вовлечены в общественную жизнь. Но содержание этой общественной жизни у всех трех групп разное. Школьники и учащиеся ПТУ значительно чаще, чем студенты, посещают вечеринки, кино, а также ресторан и кафе с приятелями. Кроме того, учащиеся ПТУ чаще, чем остальные две группы, бывают в ночных клубах. Напротив, студенты чаще общаются в Интернете и принимают участие в выпуске интернет-изданий, участвуют в общественных движениях и партиях, митингах и демонстрациях.

Включение школьников в общественные мероприятия (школьный вечер, посещение театра, музея или выставки) организуется преимущественно с участием взрослых, администрации школы и родителей. Эти фор-

мы социальной интеграции контролируются образовательной системой. Напротив, общественная жизнь студентов и учащихся ПТУ более разнообразна и организуется силами самих учащихся. Это различие весьма существенно для оценки социальной напряженности и социальной интеграции, так как формы общественных мероприятий могут быть более или менее добровольными.

Между тем именно добровольные сообщества и волонтерство считаются индикаторами социальной интеграции в образовательной среде. В этом отношении более информативными могут быть показатели участия в неформальных сообществах, партиях и различия в степени самостоятельности и сформированности политических пристрастий между представителями этих трех групп.

Эти различия между студентами, школьниками и учащимися ПТУ проявляются и в конфигурации сетей социальной поддержки. Конфигурация социальной сети в данном случае измерялась на основе интенсивности получения поддержки, типа оказываемой помощи и разнообразия социальных групп, от которых такая помощь исходит.

О разветвленности сети социальной поддержки говорит число социальных групп, от которых получают помощь учащиеся. Как видно из рис. 11, студенты обладают наиболее разветвленной сетью социальной поддержки. При этом, если студенты и учащиеся средних специальных учебных заведений чаще сами выступают инициаторами оказания помощи, то школьники все еще находятся под покровительством взрослых и в известной степени не самостоятельны в формировании своей социальной сети.

Студенты, учащиеся ПТУ и школьники

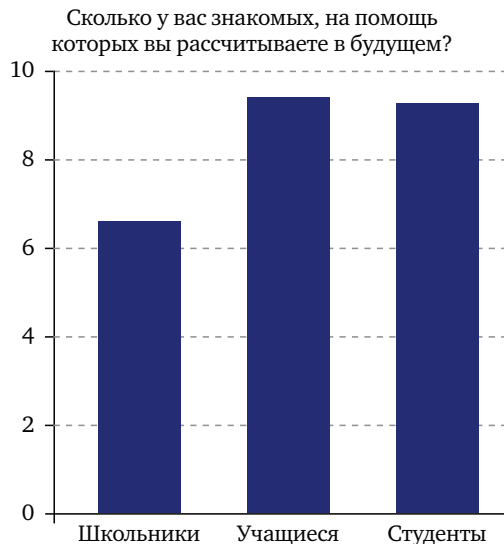

Рис. 10.

получают разную по характеру помощь и от разных источников. Для всех трех групп в одинаковой степени высока частота получения информационной поддержки. Помимо нее, однако, студенты чаще получают помощь конкретными действиями (финансовую, материальную, техническую и т. п.), а учащиеся профтехучилищ и школьники – эмоциональную. По-видимому, это объясняется тем, что школьники и учащиеся средних специальных учебных заведений в наибольшей степени ориентированы на сохранение сильных, высокодоверительных связей.

Анализ значимых различий между студентами с наиболее высокими и студентами с наиболее низкими показателями разветвленности сети контактов показывает, что первые («нетворкеры») более склонны делиться своими знаниями и опытом, причем даже тогда, когда об этом их специально никто не просит. «Нетворкеры» более активно делятся не только знаниями, но и связями. Одной из важных особенностей «нетворкеров» является их высокая готовность обращаться за помощью. Чем чаще студенты обращаются за поддержкой или советом, тем разностороннее их связи.

Таким образом, для развития социальных сетей в молодежной среде необходимо повышать уровень доверия в профессиональном сообществе, укреплять профессиональную идентичность, специально создавать возможности для знакомства с представителями других профессий и социальных групп, с первых курсов университета формировать представление о разветвленности деловых контактов как условия успешной карьеры и специально повышать престиж тех студентов, которые активно делятся с другими своими знаниями и связями.

Кроме того, анализ сетей социальной поддержки показывает, что в образовательной среде наиболее важную роль в процессе формирования социального капитала играют те социальные категории, которые непосредственно включены в социализацию молодежи, составляют зону ближайшего развития учащегося: родственники, одноклассники/однокурсники и преподаватели.

Подводя итоги результатов по уровню доверия и социальным сетям, отметим, что рост доверия и формирование социальных сетей поддержки в российской молодежной среде происходят непропорционально медленно, и одна из ведущих ролей по укреплению доверия должна принадлежать системе образования.

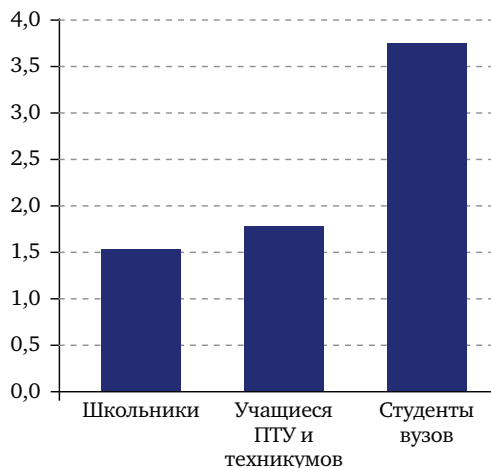

Рис. 11. Среднее число категорий людей, от которых получают социальную поддержку испытуемые.

2. Толерантность как компонент социального капитала

Понятие «толерантность» очень быстро стало популярным как на Западе, так и в отечественной науке, и это не случайно. В нем воплотились попытки найти выражение для установок на просоциальное поведение, ценностей принятия и уважения культурных, этнических и мировоззренческих различий, которые бы позволили людям жить без войн и вражды. Толерантность прочно вошла в набор личностных predispositions, являясь основой подлинной диалогичности личности, ее личностного здоровья, благополучного социального самочувствия. Как и доверие, толерантность – это фактор, по которому мы можем судить о том, какие отношения строит личность со своим ближайшим окружением и с социальным миром. Интолерантность всегда приводит к ослаблению социального капитала, превращению групповых границ в стены, сдерживающие обмен идеями и знаниями, ограничивающие интеллектуальные и экономические возможности группы.

В данном исследовании толерантность понимается как интегративная личностная характеристика, определяющая способность индивида активно взаимодействовать с окружающим миром (даже в кризисные, проблемные моменты), не испытывая при этом чувства угрозы собственной психологической устойчивости и соответственно не нуждающаяся в негативных защитных механизмах (проекция, агрессия). Она измерялась нами как совокупность позитивных установок по отношению к различным социальным группам (в том числе и по отношению к маргинальным,

социально уязвимым группам, этническим меньшинствам), а также совокупность индивидуальных качеств, определяющих общую направленность личности, в основе которой лежит способность человека устанавливать позитивные отношения с другими людьми и социальными группами.

Как известно, толерантность неразрывно связана с характеристиками социальной идентичности личности. Тема идентичности и ее роли в процессе формирования толерантного отношения к культурному многообразию поднималась в психологической литературе неоднократно. Процесс идентификации глубоко связан с феноменами толерантности и ксенофобии (Шлягина, 2001). Идентичность дает человеку чувство принадлежности, укорененности, расширение собственного «Я», но помимо объединения, тождественности, она предполагает – отделение, противопоставление, конфронтацию: «Я» и «Другой», «Мы» и «Они». Социальная идентичность – это феномен, существующих за счет обоих полюсов дихотомии «Мы» – «Они». Есть типы идентичности, которые усиливают интолерантные установки. Впервые на это обратил внимание выдающийся психолог Эрик Эриксон. Он писал, что идентичность может обернуться негативными последствиями, ведь «следует признать, что наша Господом дарованная идентичность живет за счет унижения других», и далее: «любая позитивная идентичность определяется через негативные образы» (Эриксон, 1996, С.213). Типы идентичности толерантного и интолерантного человека сильно различаются. Если в первом случае структура различения между «нами» и «не-нами» носит констатирующий характер, то во втором она принимает ярко выраженный оценочный характер – «они хуже нас» (Сикевич, 1996). Результаты нашего исследования убедительно доказывают это положение. В группе респондентов с выраженной гиперидентичностью отмечается значимо более низкий уровень толерантности, чем у респондентов, обладающих позитивной этнической идентичностью.

Заметим, что другой негативный тип идентичности – гипоидентичность, который подразумевает отход от собственной этнической группы, размывание и неопределенность этнической принадлежности, неактуальность этничности, – также оказался связанным с низким уровнем толерантности личности, но не отразился на пока-

зателях ксенофобии. Таким образом, любое негативное течение процессов этнического самосознания приводит к появлению различного рода интолерантных установок, но наиболее опасной формой выступает гиперболлизация этнической идентичности, так как она связана с ксенофобскими установками личности, что в свою очередь порождает социальную напряженность в обществе.

Исследование позволило обнаружить взаимосвязь между социальной идентичностью респондентов и характеристиками индивидуального социального капитала (уровень доверия в профессиональном сообществе, объем и разветвленность социальной сети).

Так, анализ значимых различий между студентами с наиболее высокими и студентами с наиболее низкими показателями разветвленности сети контактов показывает, что первые (т.н. «нетворкеры») более склонны описывать свое «Я» через принадлежность к социальным группам. Такое же различие было обнаружено и в описаниях коллективной идентичности («Мы»): «нетворкеры» значимо чаще описывают свое «Мы» через групповые характеристики. Наиболее существенны различия в идентификации ими себя с профессиональными группами.

Различия в характеристиках личностной идентичности были обнаружены и при сравнении респондентов по объему их социальной сети. Анализ значимых различий между студентами с наиболее низким и студентами с наиболее высокими показателями общего количества друзей показывает, что первые, по сравнению со вторыми, более склонны описывать свое «Я» через принадлежность к профессиональным и этническим группам.

В структуре социального капитала молодежи социальная идентичность выступает как своего рода «клей», объединяющий индивидуальные «кошельки» социального капитала (круг знакомств личности) в единое целое. Толерантные установки выполняют в структуре социального капитала роль регламентации социальных взаимодействий. Ориентация на построение диалога с представителями других культур и этносов, уважение границ различных социальных и этнических групп при возможности проникновения и контактирования с ними, сохраняя собственные границы, является базой для включения индивида в многообразные социальные сети и группы.

Исследуя уровень социальной интеграции молодежи, мы обнаружили, что он оказался тесно связан с выраженностью интолерант-

ности и ксенофобии. Увеличение социальной интеграции и показателей социального капитала, которым располагает индивид, сопровождается снижением ксенофобских установок. Например, чем более вовлечен оказывается молодой человек в социальную жизнь, чем в большее количество сфер деятельности он включается, тем меньше он находит вокруг себя чужих, а следовательно, тем более он открыт для социального взаимодействия. Отсутствие чувства сопричастности к окружающему социальному миру, сворачивание различных видов деятельности, связанных с социальной сферой и сферой межличностных контактов, наконец просто дефицит межличностного общения сопровождаются настороженным отношением к различного рода инаковым, чувством угрозы со стороны «чужих», которыми наполняется социальное пространство.

Тот же эффект оказывает нехватка социальных связей и как следствие отсутствие социальной поддержки за пределами семьи. На рис. 12 показано, что респонденты, которые, по их словам, могут рассчитывать на поддержку не более чем 10 знакомых, отметили значимо больше чуждых групп, чем те, кто имеет более обширные социальные связи. Интересно, что общее количество друзей не оказалось связанным с показателем чуждых групп. Именно так называемые «слабые связи» приобретают значение в процессе социального взаимодействия и, следовательно, определяют выраженность социальных установок.

Все эти закономерности можно обобщить результатами, согласно которым показатель индекса ксенофобии сопряжен с такой интегральной характеристикой социальных взаимоотношений, как доверие личности к социальной сфере (рис. 13).

Интересно, что, несмотря на недоверие к социальным институтам и государству «ксенофобы» возлагают надежды по снижению социальной напряженности в обществе именно на органы власти и общественные движения (в большей степени, чем респонденты с низкими значениями по индексу ксенофобии). Социальная незащищенность и отсутствие социальной поддержки, вероятно, и определяют данную парадоксальную позицию: «не доверяю, но надеюсь». Молодые люди, продемонстрировавшие низкие значения по уровню ксенофобии, склонны видеть возможность гармонизации отношений в обществе через возвращение к истокам, повышение качества образования и

Рис. 12. Связь количества групп, отмеченных как чуждые, с показателем ресурса поддержки.

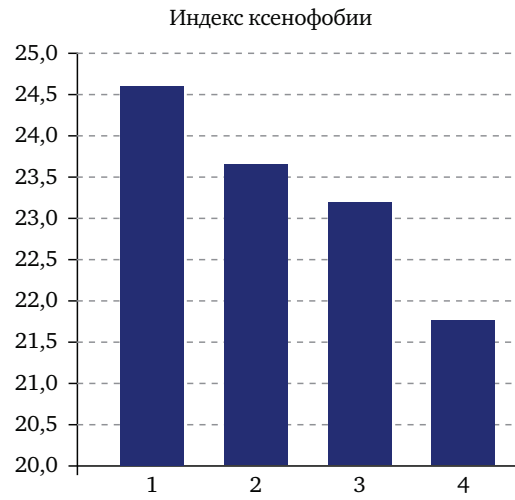

Рис. 13. Связь показателей социального доверия и ксенофобии.

уровня жизни (рис. 14). Такая позиция показывает, что они не уповают на внешние силы (политиков и т.п.), а ориентированы на то, чтобы самостоятельно изменять социальную обстановку. В целом полученные результаты исследования говорят о взаимосвязи показателей социальной интеграции и уровня ксенофобских установок личности, что позволяет осмысливать их как единое проблемное поле.

Таким образом, толерантность, доверие, отсутствие ксенофобских настроений, социальное самочувствие, социальная интеграция, позитивная этническая и гражданская идентичность – это те феномены, которые составляют основу социального капитала мультикультурного российского общества, капитала, который позволяет строить конструктивный диалог между разными этническими и социальными группами, снизить уровень межэтнической и социальной напряженности, повысить уро-

вень гражданской ответственности среди россиян.

Подводя итоги исследования, хотелось бы подчеркнуть, в чем, на наш взгляд, состоит сила и слабость социального капитала российской молодежи. К сильным сторонам относится все более выраженная позитивная гражданская идентичность, относительно высокое межличностное доверие в студенческой среде и рост объема социального капитала, выражающийся в числе поверхностных знакомств, слабых связей в молодежной среде. Примечательно, что многие наши респонденты, по их оценкам, имеют более 1000 друзей и знакомых, на чью помощь они могут рассчитывать. Разумеется, такое расширение круга контактов связано, прежде всего, с включением школьников и студентов в интернет-сообщества. Интенсивное развитие электронных средств коммуникации, появление виртуальных

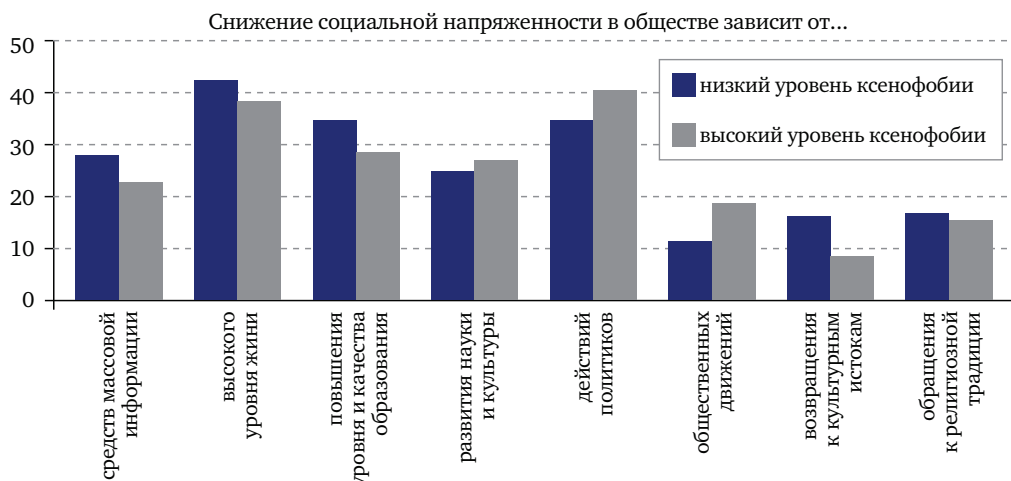

Рис. 14. Позиции в отношении путей снижения социальной напряженности в обществе в группах респондентов с высоким и низким уровнем ксенофобии.

сообществ, блогосферы и виртуальных социальных сетей существенно изменило не только объем и структуру круга общения личности, но и способы формирования деловых и профессиональных связей, используемые молодежью. С одной стороны, именно слабые, поверхностные связи являются наиболее эффективным средством передачи информации, обмена новыми идеями и знаниями, накопления интеллектуального капитала в молодежной среде. С другой стороны, преобладание слабых виртуальных связей с малознакомыми людьми над прочными личными отношениями может быть чревато формированием личности, неспособной к эмоционально глубоким межличностным отношениям и не готовой всерьез жертвовать чем-либо ради помощи другому человеку.

Слабость социального капитала молодежи, на наш взгляд, проявляется не только в растущей виртуальности межличностных отношений с риском вытеснения реальной дружбы контактами с далекими «френдами» из виртуальной социальной сети. К другим настораживающим результатам исследования следует отнести относительно низкий уровень доверия как к одноклассникам и одногруппникам, так и к учителям, преподавателям и администрации учебного заведения. Приходится признать, что на уровне учебных учреждений социальный капитал в образовательной среде развит довольно слабо, что не может не сказаться на его уровне в обществе в целом. Примечательно, что чем выше поднимаются молодые люди по лестнице системы образования (от школы к вузу), тем менее они склонны доверять социальным институтам. Кроме того, проведенное нами исследование также показало, что профессионализация студентов тесно связана с формированием разветвленной личной сети деловых контактов. Однако возможности для их развития в настоящее время сильно ограничены разрозненностью самих профессиональных сообществ. Практически единственной силой, которая облегчает завязывание контактов поверх межгрупповых барьеров внутри студенческого сообщества (имущественных, этнических, ведомственных и т. п.), являются студсоветы, научные общества и студенческие ассоциации. При поддержке руководства вузов, они обеспечивают студенческому активу дополнительные возможности обмена знаниями и установления карьерных связей. Однако их развивающий потенциал ограничен рам-

ками факультета или профессиональной нишей. Между тем мировой и российский опыт показывает, что интеллектуальные элиты формируются в межсетевом взаимодействии, то есть через завязывание личных знакомств и последующий обмен идеями и знаниями между представителями разных профессиональных сообществ. Сегодня студенческому активу необходима поддержка в формировании связей с другими интеллектуальными элитами – научными, образовательными, медийными, управленческими и др. Одной из форм такой поддержки могут быть зимние и летние школы лидерства с привлечением известных специалистов из разных профессиональных сфер, проведение научными студенческими союзами разных специализаций совместных интернет-конференций по актуальным проблемам общества, бизнеса и власти. Современные электронные технологии делают возможным проведение телемостов с другими регионами, возможность подключения экспертов из разных практических сообществ.

Данные нашего исследования показывают, что начинать формирование социального капитала нужно со школы: подростки являются группой риска по отношению к распространению интолерантных установок. Так как образовательная среда оказывает мощное воздействие на становление и развитие ценностной сферы, то действовать в этом направлении нужно, прежде всего, через ресурсы системы образования. Работа в этой области должна быть комплексной и системной: не разовые тренинги, а долгосрочные программы и развитие идеологии мультикультурного сотрудничества. Такие выводы основаны на результатах исследования, в ходе которого все показатели социального капитала оказались связаны между собой. Невозможны личностные установки на принятие других этносов и отсутствие страха перед незнакомыми без устойчивой позитивной социальной идентичности, включенности в социальные взаимодействия, межличностного доверия, разветвленной сети контактов.

Чем больше будут укрепляться ценности доверия и сотрудничества, тем интенсивнее будут проходить процессы по их дальнейшему распространению и развитию. Ведь социальный капитал в отличие от других форм капитала обладает одним очень важным свойством – он имеет тенденцию к самовозрастанию. И возможно, что ориентация на развитие социального капитала,

а не на борьбу с негативными социальными установками может дать гораздо более сильный эффект, так как в этом случае будет задействовано это уникальное свойство социального капитала.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бурдые П. Практический смысл. СПб., 2001.
2. Дискин И.Е. Модернизация российского общества и социальный капитал // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены, 2003. N 5/6. С. 14-20.
3. Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2001. N° 3. С. 121-139
4. Лебедева Н.М., Татарко А.Н. Ценности культуры и развитие общества. М. Издательский дом ГУ-ВШЭ, 2007
5. Нестик Т.А. Культурный, социальный и символический капиталы (обзорный материал) // Альманах «Восток», 2004. Вып. 2(14).
6. Нестик Т.А. На подступах к управлению социальным капиталом (выступление на круглом столе «Социальный капитал как научная категория») // Общественные науки и современность, 2004, N°4. С. 5-23, С.12-13.
7. Нестик Т.А. Социальный капитал организации: социально-психологический анализ // Психологический журнал, 2009, том 30, N°1, С.52-63; N°2, С.29-42.
8. Политическое сознание россиян: традиции, настоящее, будущее. Отчет об исследовании. М., РОМИР-Мониторинг, октябрь 2001, http://4p.ru/research/r_polit_soznan.html.
9. Радаев В.В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // Общественные науки и современность. 2003. N° 2. С. 5-16
10. Радаев В.В. Социология рынков: к формированию нового направления. М.: ГУ-ВШЭ, 2003.
11. Сикевич З.В. Национальное самосознание русских (социологический очерк). М.: Механик, 1996.
12. Татарко А.Н., Лебедева Н.М. Социальный капитал: теория и психологические исследования: Монография. М.: РУДН, 2009.
13. Твигг Дж. Л., Шектер К. Социальный капитал и социальное расслоение в современной России, 2003
14. Фукуяма Ф. Доверие: Социальные добродетели и путь к процветанию. М.: АСТ, Ермак, 2004.
15. Шихирев П.Н. Природа социального капитала: социально-психологический подход // Общественные науки и современность. 2003. N° 2. С. 17-32.
16. Шлягина Е.И. Этническая толерантность личности: опыт эмпирического исследования // Научно-публицистический вестник «Век толерантности». М., 2001. Вып. N° 3, 4. С. 124-150.
17. Эрикссон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: «Прогресс», 1996.
18. Bourdieu P. Le capital social: notes provisoires // Actes de Recherche dans les Sciences Sociales, 1980, v.31, pp.2-3
19. Burt R.S. Structural Holes: The Social Structure of Competition. Cambridge, Mass: Harvard University Press, 1992.
20. Coleman J.S. Social capital in the creation of human capital // American Journal of Sociology, 1988, 94, pp. 95–120.
21. Granovetter M. The Strength of Weak Ties // American Journal of Sociology, 1973, 78 (6), pp. 1360-1380
22. Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1981.
23. Hanifan L. The rural school community center. Annals of the American Academy of Political and Social Science. 1916, N°67. P. 130-138.
24. Inglehart R. Modernization and Post-Modernization: Cultural, Economic, and Political Change in 43 Societies. New Jersey, 1997.
25. Nahapiet, Janine; Ghoshal, Sumantra. Social capital, intellectual capital, and the organizational advantage // Academy of Management Review, 1998, Vol. 23, Issue 2, pp. 242-266.
26. Parsons T. Social Structure and Personality. New York: The Free Press, 1970.
27. Parsons T. The Social System. London: Routledge, 1970.
28. Putnam R. Tuning in, Tuning out: the Strange Disappearance of Social Capital in America // PS: Political Science and Politics, December 1995, Vol. XXVIII, N° 4, p. 666.
29. Putnam R. Making democracy work: Civic traditions in modern Italy. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1993.
30. Putnam R. Bowling Alone: The collapse and revival of American community. N.Y.: Simon & Schuster, 2000.
31. Turner J. The Formation of Social Capital // Social Capital: A Multifaceted Perspective. Dasgupta, P. and I. Serageldin (eds.). Washington DC: The World Bank, 2000.
32. Wossman L. Schooling Resources, Educational Institutions and Student Performance: The International Evidence. Keil Working Paper No. 983, May 2000.